

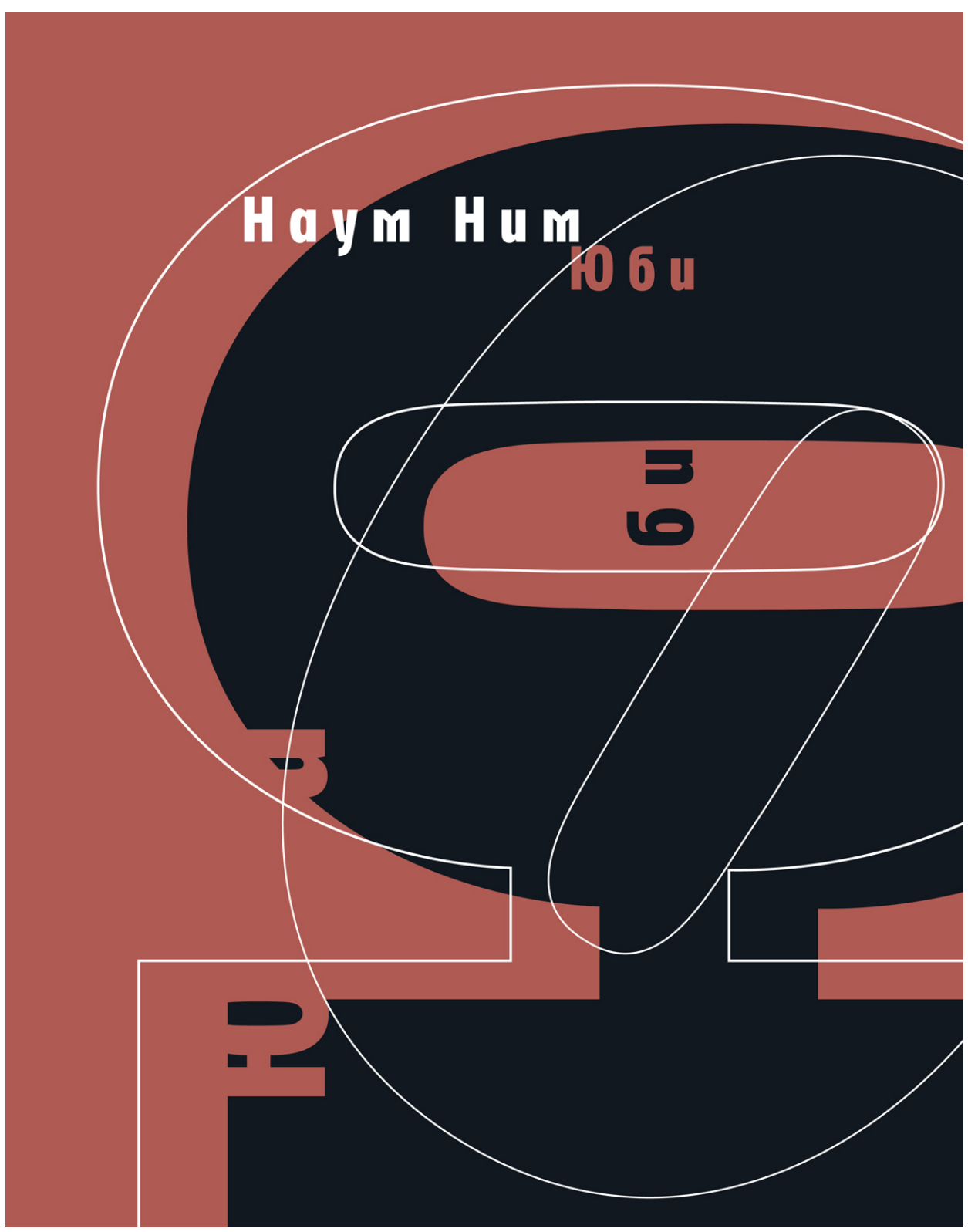
Наум Нум

Ю 6 и

6 и

и

и

Самое время!

Наум Ним
Юби: роман

«WebKniga»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

Ним Н.

Юби: роман / Н. Ним — «WebKniga», 2017 — (Самое время!)

ISBN 978-5-96-911690-0

Предыдущий роман Наума Нима удостоен премии имени братьев Стругацких, он был сочтен фантастическим. Этот роман тоже своего рода фантастика — настолько он фантастически реален и точен. Известно время действия — тридцать с лишним лет назад, 28 мая 1986 года (напомним, это день приземления немецкого летчика Матиаса Руста на Васильевском спуске у Кремля). Известно место действия — бесконечно далекий от Кремля городок Богушевск в Витебской области. Известно все, что потом случилось со страной и ее жителями. Чтобы не оставалось совсем ничего неизвестного, расшифруем и название книги: "Юби" — это призыв "Люби" в фонетике одного из героев, подростка, как сказали бы теперь, с особенностями развития, а тогда именовавшегося просто придурком. Предисловие к роману написал Дмитрий Быков, искренне восхищенный и книгой, и ее автором. "Перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем", — обещает Быков. Чтобы снова не ждать тридцать лет и сразу попасть в число тех, кому все станет понятно уже сейчас, книгу нужно непременно прочесть.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-96-911690-0

© Ним Н., 2017
© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Дмитрий Быков. Бог с Ним	7
1. Недоумок	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наум Ним

Юби

Информация от издательства

Наум Ним

Юби: роман / Наум Аронович Ним; предисловие Дмитрия Быкова. – М.: Время, 2018. – (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1690-0

Предыдущий роман Наума Нима удостоен премии имени братьев Стругацких, он был сочтен фантастическим. Этот роман тоже своего рода фантастика – настолько он фантастически реален и точен. Известно время действия – тридцать с лишним лет назад, 28 мая 1986 года (напомним, это день приземления немецкого летчика Матиаса Руста на Васильевском спуске у Кремля). Известно место действия – бесконечно далекий от Кремля городок Богушевск в Витебской области. Известно все, что потом случилось со страной и ее жителями. Чтобы не оставалось совсем ничего неизвестного, расшифруем и название книги: «Юби» – это призыв «Люби» в фонетике одного из героев, подростка, как сказали бы теперь, с особенностями развития, а тогда именовавшегося просто придурком. Предисловие к роману написал Дмитрий Быков, искренне восхищенный и книгой, и ее автором. «Перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем», – обещает Быков. Чтобы снова не ждать тридцать лет и сразу попасть в число тех, кому все станет понятно уже сейчас, книгу нужно непременно прочесть.

© Н. Ним, 2018

© В. Калныньш, макет и обложка, 2018

© Состав, оформление, «Время», 2018

Дмитрий Быков. Бог с Ним

Обычно в предисловии разъясняется, кто такой автор и почему вам необходимо приобрести его сочинение. Наум Ним не нуждается в рекомендациях – по крайней мере в моих, потому что я, как говорится, недостоин застегивать ему сандалии. Ним – известный правозащитник, главный редактор журналов «Досье на цензуру» и «Неволя», жестокий и мрачный прозаик, чьи наиболее известные произведения – «Звезда светлая и утренняя» и «До петушиного крика» – рассказывают о советской тюремной системе. Его предпоследний роман «Господи, сделай так!» удостоен премии братьев Стругацких – это первый опыт Нима в жанре фантастики. Многие из героев «Юби» впервые – правда, мельком – появляются именно в этом романе. Но чтобы понять «Юби», читать предыдущие книги Нима не обязательно. Лично мне из всего написанного им больше всего нравится небольшой рассказ «Витэка сказал», опубликованный в свое время под псевдонимом Сергей Хвощ (не буду вдаваться в причины, так надо было). При желании эту вещь можно найти в интернете. Рассказ не просто хороший, но, я бы сказал, эталонный – о том, как Бог открывается не искавшим его, да много еще о чем.

Что касается самого романа, который перед вами – он тоже не нуждается в рекомендациях. Ним всегда рассказывает увлекательно, динамично, точно, зная, какие читательские страхи и надежды задеть в первую очередь. Эта книга может вам не понравиться – и даже, допускаю, не хочет вам нравится – но оторваться от нее трудно, что умеет, то умеет. Хотелось бы обратить читательское внимание на три вещи, которые можно, конечно, назвать спойлерами, но никаких сюжетных тайн они не раскрывают.

Первое. В романе описывается один день с четырех разных точек зрения, показанный глазами четверки главных героев. Это 28 мая 1986 года – эпоха переломная, точка критическая, перестройка еще толком не началась, но уже буксует. Читателю полезно об этом помнить, чтобы не путаться в обстоятельствах.

Второе. Этот роман – один из многих сегодня (можно сказать, что это даже тренд), где описывается жизнь диссидентов. Мы много знаем о том, как она проходила в столицах, но роман Нима призван высветить всю глубину ада советской провинции. Что такое инакомыслие в этих обстоятельствах – многие попросту не представляют. Одна из авторских задач – не главная, но существенная – как раз в том, чтобы показать всю катастрофичность героизма, который не приносит ни славы, ни удовлетворения. Только унижение, позор, ощущение затравленности, бесконечное сомнение в своей правоте и никаких перспектив.

И третье. Автор пытается описать жизнь настолько изжитую, до дыр заношенную, жизнь, в которой начисто скомпрометированы все ценности – что даже завет «любви» воспринимается как полная чушь. Все обесмыслилось. И может быть, репортаж из 1986 года – всегда, как у Нима, точный и дотошный – объяснит сегодняшнему читателю, почему перемены в России были неизбежны, и почему они были благотворны, и почему они все-таки запоздали – а потому иначе кончиться не могли.

Последняя ремарка – скорее для того читателя, который уже дочитал книгу. Если после всего прочитанного и сказанного посыл этого короткого, умного и сдержанного романа остался читателю непонятен, я бы посоветовал ему задуматься прежде всего о том, почему герой по фамилии Угуч обладает способностями, которых не дано другим. Или, иными словами, почему абсолютный, казалось бы, недоумок один еще способен удерживать распадающуюся ткань мира. Но это я уже вторгаюсь в области, о которых автор предисловия говорить не должен.

Должен же он, по-моему, сказать, что перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем, и тогда книги Нима будут выходить с совсем другими предисловиями – где будут излагаться научные данные о первых изданиях и о биографии автора. Наверное, надо что-то на эту тему сказать и сейчас. Ним родился в Богу-

шевске (где и происходит действие книги) в 1951 году, его настоящая фамилия Ефремов, он сразу вводит себя в текст романа, чтобы у читателя не возникло подозрение, будто он прячется в ком-то другом. Сейчас он живет и работает в Москве. Книга выходит в издательстве «Время», потому что остальные издатели расхвалили роман и сказали, что печатать его нельзя. Впрочем, говорил же Борис Стругацкий, что времени страх неведом – ему бояться нечего.

1. Недоумок

– Что он тебе сказал? Что?..

Физкультурный учитель сжамкал крепкими кулачками Угучеву рубаху и тряс его за грудки, не давая перевести дух. Угуч был на голову выше учителя и с легкостью мог бы высвободиться из его цапких кулачков, если бы только такая мысль пришла ему в голову, но его голова, и без того не особо сообразительная, совсем отключилась и только дергалась взад-вперед, впуская лапая зубами.

– Ты че творишь? – В проеме двери служебного входа на кухню стояла тетя-Оль, и звонкий ее голос наполнял всю школьную территорию. – Смотрите, люди добрые... Сауладал с убогим. Ты ровню себе отшукай... Ишь зенки бесстыжие вылупил!..

Никто не мог спорить с тетей-Олей. Даже сам директор школы-интерната менялся голосом, и все его «я не допущу» тут же превращались в разговор с ней в «пожалуйста, не забывайте»...

Да и кто бы смог устоять! Глаза, чуточку ухватив ее в поле обзора, тут же поворачивали всего тебя ей навстречу, и надо было сделать немалое усилие, чтобы отвести их в сторону и следовать дальше по своим делам, которые и вспомнишь-то не сразу. Звонкое тело тети-Оли внатяг заполняло столовский белый халатик, и только пуговицы маняще поскрипывали да постанывали в крепких петлях. Даже не верилось, что обычные пуговицы могут сдерживать такой зовущий напор, и сил не было отвернуться, потому что отвернешься и вот оно – освобождение красоты, а ты все пропустил. Только в холодную пору жизни вся эта телесная звонь как-то упрятывалась из виду, и можно было более-менее нормально общаться с тетей-Олей, которую в это время чаще всего звали Ольгой Парамоновной. Вот если бы лето было круглый год, то была бы здесь совсем другая жизнь и у Ольги Парамоновны, и у всех нас...

Понятное дело, физрук отцепился от Угуча и кроликом потянулся на манящий голос поварахи (всегда манящий, о чем бы он ни кричал, ни говорил, ни приговаривал).

«А еще чекист», – подумал Угуч, шмыгая за угол. Земля продолжала раскачиваться вперед-назад и ступать по ней надо было с осторожностью.

Ничего хорошего думать про напавшего на него учителя Угуч не мог, хоть будь тот и вправду самым настоящим чекистом. Недомерок – и все тут... Свисток-с-кепкой.

Такие меткие прозвища слетали с острого язычка все той же тетей-Олей, припечатывая много кого и приликая раз и навсегда. Угуча вот с ее подачи прозвали Недоумком. Правда, после того, как Лев Ильич устроил скандал в учительской, в глаза его так не звали из высоких воспитательных соображений, а школьники еще раньше перестали его так дразнить, потому что Угуч как-то вдруг стал громадным и крепким. Но все равно давняя обида вспомнилась и плескнула в сердце. А как тетя-Оль только что защитила его от Недомерка? Вроде и защитила, а вроде и обозвала по-обидному...

* * *

Еще вчера Угуч помогал тетей-Оле на кухне, и никакие обиды даже и не витали вблизи его замершего сердца. Лучше всего было вперегонки с ней чистить картошку. Они сидели друг против друга над огромной кастрюлей, стоявшей между их расставленными ногами, и Угуч боялся поднять глаза выше кастрюли. Боялся, но все же украдкой косил, а иногда мимолетно взглядывал чуть повыше, пытаясь углядеть что-то за расстегнутыми по случаю жары верхними пуговицами белого халата.

Эта работа на кухне была почти ежедневная добровольная повинность Угуча, а когда пару недель назад теть-Оля неожиданно прислонилась к нему жарким бедром и засмеялась: «Ого, да у тебя уже и женилка выросла», Угуч сразу понял, что после школы первым делом поженится на ней, и они будут каждый день хозяйничать на этой кухне как им только вздумается.

Угуч даже впервые пожалел, что дважды оставался на второй год, а мог бы окончить школу на пару лет раньше и тут же пожениться на теть-Оле, а теперь жди еще целую вечность...

Добровольным помощником на кухне Угуч стал не из-за бескорыстного обожания теть-Оли. Надоумил его на это дело Дмитрий Степанович, школьный завхоз и неутомимый организатор всяких массовых работ по поддержанию вверенного ему хозяйства – от покосов всего, что растет, до покрасов всего, что гниет. Где-то на этих трудовых праздниках он и заметил сильного и ловкого Угуча.

– Табе эта вся учеба без патрэбы, – наставлял завхоз малолетнего тезку. – Это пушай те, у кого голова крепкая... Оне по училищам пристроятся и как-то проживут. А те, мил-друг, один путь отседа – в дурку. Вот и надо те заране о себе похлопотать. Там помогай, тут помогай, глядишь – к тебе и привыкнут, а когда школу закончишь, тебя и оставят работать в помощь другим... А не то – в дурку, а там, мил-друг, не сахар... Ой, не сахар...

Может, завхоз шутил, а может, хотел часть своих забот переложить на крепкого паренька и в полный мах предаваться безмятежной праздности, изредка выговаривая малосообразительному работнику за нерадивость скрипучим директорским говорком. А может, Дмитрий Степанович на полном серьезе учил Угуча уму-разуму, по-своему беспокоясь о его будущем, которое все эти школьные педагоги, конечно же, обеспечить не смогут.

В любом случае завхозовы слова нашли благодарного слушателя. Угуч очень даже хорошо знал, что дурка – не сахар. Позапрошлой зимой кто-то умыкнул из столовой трехлитровую банку сахарного песка, а ночью обнаружилось, что вся Угучева рожа перепачкана прилипшими сахарными крупинками.

Упекли его в психушку на все зимние каникулы, и, вдосталь натерпевшись да насмотревшись тамошних порядков, Угуч понял, что жизнь надо прожить так, чтобы быть подальше от дурки. Долго еще он просыпался в ужасе среди крошечной ночной тьмы и несколько страшных мгновений соображал, где это он лежит, а сообразив, что не в дурке, – засыпал совершенно счастливым...

Теперь Угуч изо всех своих не по возрасту недюжинных силенок помогал в хозяйственных делах огромной школы. Труженики котельной, прачечной, автомастерской, кухни и разных иных служб всегда были рады сачкануть и переложить какую-либо грязную работу на Угуча. И вот сейчас Угуч вдруг сообразил, что раз его все равно считают убогим и недоумком, то хоть разбейся в лепешку, а все без толку. А коли так, кто ж его оставит в работниках после школы?.. И разве теть-Оль поженится с ним, если тоже считает его убогим?..

Славно распланированная будущая жизнь рушилась в прах...

* * *

Правда, были у Угуча и другие варианты обустройства будущего, но, похоже, и там все полетело под откос.

Самую желанную мечту про дальнейшую жизнь принес Махан – Вася Маханов, который появился в начале этого вот, считай, уже оконченного учебного года в шестом классе, где на задней парте отсиживал уроки Дима Угучев по прозвищу Угуч. Чаще всего Угуч прогуливал уроки с молчаливого согласия почти всех учителей, считавших, что Дима проведет время с большей пользой где-нибудь в прачечной.

В общем, Угуч с удивлением обнаружил Махана за своей партией, но турнуть не успел.

– У меня к тебе дело, – прошептал Махан, критически осмотрев Угуча, – секретное. Я тут не просто ля-ля-буквари, а со спецзаданием...

Оказалось, что их отцы (и отцы еще нескольких учеников этой лесной школы-интерната для легочников) работают советскими разведчиками в Америке (совсем как Штирлиц), и Махана специально послали для связи и поддержки, потому что его отец там, в Америке, руководит остальными отцами, а Махан должен руководить и заботиться здесь...

Малорослый и шептун Махан удивительно ладно подходил к своей фамилии и, соответственно, к прозвищу. Он не мог ни сидеть, ни говорить спокойно. Махал руками, щелкал пальцами перед глазами слушателей, гримасничал и дергал плечами и даже потопывал в помощь своему стремлению подчинить всех вокруг пацанов (приглядываясь уже и к девчонкам). Сам Махан объяснял свою неумную жестикуляцию тем, что целый год был в побеге из детдома и жил с уголовниками, а у них принято так выражать свои мысли.

Были уголовники или не были, но вернее всего директор Дома малютки, куда Махан попал в неразумном возрасте, был физиогномист от бога и весьма удачно припечатал младенца фамилией Маханов. Кстати, вполне может быть, что он же парой лет раньше нарек Угуча Угучевым...

Сам Махан настаивал, что все дело в уголовниках. Разумеется, и уголовники появились не сами по себе, а по заданию разведцентра, который таким образом прятал Махана от американских шпионов, чтобы они не могли его похитить и потом этим шантажировать отца. А потому всем им – детям разведчиков надо быть начеку, никому ни гу-гу и во всем слушаться Махана.

Все клялись самым страшным, жрали землю и выпцарапывали из ладошек кровь, которую надо было слизнуть в закрепление клятвы...

* * *

Еще одна мечта о послешкольной жизни появилась на год раньше, чем мечта, принесенная Маханом. Тогда Угуч начинал учебный год в пятом классе (а по возрасту мог быть в седьмом), и в школу пришел новый учитель Лев Ильич, – он и стал классным начальником у пятиклашек – одноклассников Угуча. Заодно он вел уроки математики и всякие другие занятия, когда приходилось заменять заболевших или где-то пропадавших учителей и воспитателей.

Знаменит Лев Ильич стал даже раньше своего появления в школе, потому что оказался он здесь по рекомендации прежнего учителя, а того прежнего посадили в тюрьму за продажу родины.

– Один жид пристроил на свое место другого жида, значит, место хлебное... – рассуждал в кочегарке завхоз Степаныч, разливая чернила в два стакана – себе и Григорию Недобитку, главному своему работнику хоть по котельной, хоть по гаражу.

– И чем же оно хлебное? – поинтересовался Недобиток, приняхиваясь к подозрительному пойлу.

– А вот веришь – не знаю. Но хлебное... – Степаныч собрался с духом и опрокинул стакан... Отдышался. – Жид на другое не пойдет... – Он некоторое время молча пережевывал соленый огурец. – А ничего себе винишко. Думал, совсем отравя, а оно и ничего...

* * *

Лев Ильич был молодым, веселым, заводным и смешным. Он не выговаривал чуть ли не половины букв в словах и когда при первом появлении в классе объяснял, как к нему обращаться, все покатались со смеху – получилось Йеф-Иич. Так его и прозвали, сократив со временем отчество до короткого Ич, а иногда безо всякого отчества – просто Йеф.

Но – удивительное дело, – когда Йеф начинал говорить, когда заводился и увлекался, – слушатели переставали замечать, что он чего-то там не выговаривает и где-то там картавит. А может, он даже и переставал картавить, и все звуки стройно становились на положенные им места.

Кстати, тетя-Оль сразу прилепила к нему прозвище Недотепок, но не какой-то там неумеха-недотепок, а как-то даже жалостно – недотеепок. В общем, звучало не обидно, по крайней мере от самой теть-Оли.

Главное, что Недотепок был не один. К нему должна была приехать из самой Москвы семья, и целую осень Йеф-Ич перестраивал старую и с виду негодную школьную квартиру на втором этаже древнего кирпичного дома, первый этаж которого был занят разными складскими помещениями. В помощь ему подтянулись из поселка друзья прежнего учителя, который сидел сейчас, как мы знаем, за продажу родины... Угуч по собственной воле был на этой стройке самым первым помощником, и как ему ни втолковывали, что это нельзя, что не должен, мол, учитель пользоваться трудом ученика, все равно, Угучу эти резоны что горохом о стену...

– Жиды завсегда друг за дружку... Кажинный норovit другому пособить...

– Вядомае дело...

Работяги школьных хозяйственных служб понимающе поцокивали, глядя на спорый ремонт запущенной квартиры. Они были совсем не прочь тоже включиться и чего-нибудь сделать да в чем-нибудь подмогнуть (не бесплатно, разумеется), но их не звали.

– Слушай, – обратился к Недотепку парень из поселка, которого звали Серегой, – а почему это они все жужжат «жиды да жиды»? – Ладный Серега кивнул на зрителей из школьных работников. – Ты еврей, что ли?

– Азумеется, – подтвердил Йеф.

– Вот так номер, – присвистнул Серега. – Я вообще-то евреев как-то не очень...

– А как же ваш и мой длуг? – остолбенел Йеф.

– Какой друг? – не врубился Серега.

– Ним. – Похоже, и Йеф ничего не понимал. – Наум Ним, который нас длуг с длугом....

– Наума? – удивился в ответ Серега. – Тимка! – позвал он. – Мешок! Идите сюда! Слушайте, чего он гонит!

Друзья, утирая пот, разогнулись и подтянулись поближе.

– Че стряслось? – поинтересовался Тимка, прополаскивая рот водой.

– Он говорит, что наш Наума – еврей...

– Я вообще-то евреев не очень, – недоверчиво протянул Тимка, – но помню, что-то такое Наума говорил.

– Точно говорил, – вступил Мешок. – Еврей, без сомнений.

– Тогда другое дело, – тяжело вздохнул Серега. – Тогда я к евреям всей душой...

* * *

Квартира была готова к первым холодам, и сразу же к Йефу прикатила жена с сыном Даниилом, обезноженным загадочной хворобой с произносимым названием. Но про это узнавали погодя, а первым делом все замирали, глядя на Йефову жену. Надежда Сергеевна была невероятно пригожа нездешней, киношной какой-то красотой и с первого шага сразу же отодвинула далеко назад всех школьных красавиц, включая даже тетя-Олю. Только вот жила Надежда Сергеевна словно на ощупь, как потерянная...

– Несмеяна, – выдала тетя-Оль свое фирменное. – Хотя, по правде кажучи, и не придумать, с какой радости ей смеяться...

Угуч буквально прилип к сыну Йефа. Даниил был по годам вровень Угучу, но, щуплый и хрупкий, из-за болезни казался Угучевым младшим братом.

Они натурально срослись друг с другом. Угуч сажал Даниила себе на плечи, и перед тем открывался огромный и ранее недоступный мир. Куда там креслу-коляске гоняться за крепким и быстрым Угучем!.. Да и не за Угучем вовсе, а за кентавром Дим-Даном, как сразу же прозвал их Йеф-Ич, объяснив Угучу, что жили когда-то такие диковинные существа в Греции, только у них было по две руки и четыре ноги, а у Дим-Дана – наоборот. Угуч даже не придерживал своего всадника – так ладно чувствовали они друг друга. Йеф мужественно замирал, глядя на их стремительный бег с прыжками через разные пни да колдобины, а вот Надежда Сергеевна бледнела в полотно и спешно отворачивалась.

- Я не могу этого видеть, – говорила она Йефу... и Угучу... и Даниилу.
- Мам, а ты и не смотри, – отзывался сын.
- Трусиха наша, не отнимай у Данилы такую радость, – вторил сыну Йеф.
- Угу, – соглашался с ними Угуч.

* * *

Ясное дело, к Даньке в комнату Угуч шастал, как к себе домой, хотя никакого дома у него отродясь не было и он знать не знал, как туда шастают. Понятна и уверенность Угуча в том, что Йеф оставит его после школы рядом со своим сыном. Может, усыновит, а может, и просто оставит. Угуч не знал, как это будет выглядеть в разных скучных деталях, и про эти детали не думал. Это же был не план действий, а мечта. И кто бы решился осмеять эту его мечту!..

До сегодняшнего неправильного дня, до недавнего странного нападения Недомерка и до обидного заступничества теть-Оли Угуч хранил и взращивал эти свои три мечты. И вот в один день все они расплзлись так, что и не ухватить...

Еще вчера он затруднялся в выборе мечты, по которой станет проживать свое после-школьное будущее. Хорошо, конечно, пожениться на теть-Оле и ходить по здешней кухне-столовой полным хозяином. Но и с героем отцом уехать отсюда под завидуемыми глазами всей школы – тоже хорошо. И хорошо остаться в семье Йефа, даже и при откровенной и такой несправедливой неприязни к нему Надежды Сергеевны.

Иногда Угуч пытался совместить разные мечты в одну свою жизнь, но получалась полная ерунда. Ну вот, например, несетя он кентавром Дим-Даном по лесной тропе, а рядом теть-Оль в подвенечном платье. Разве ж она угонится за кентавром?.. А как можно свести вместе отца – самого настоящего чекиста и Йефа, друг которого продал родину?.. А Недомерок говорит, что и сам Йеф продает родину. Как же его соединить с отцом-чекистом?..

Угуч представил, как его отважный отец-разведчик, похожий на Штирлица, подходит к ослику Иа-Иа, на которого чем-то неуловимым походил Йеф-Ич...

«Ну что, брат, – спрашивает умный и неотразимый Штирлиц, сжимая в кармане рукоять пистолета, – хвоста не было?»

«Откуда бы ему взяться? – вздыхает ослик. – Я же его еще с утра потерял...»

«Вот и славно, – прищуривается Штирлиц, вытаскивая...»

* * *

Пронзительно засвистел серебристый репродуктор – вверху над парадным и в обычные дни наглухо запертым школьным крыльцом.

«...есять часов московского времени, – оглушительно громко оповестил репродуктор всю школу, и лес за школьной оградой, и кладбище, рассыпанное среди сосенок этого леса,

и дальше – весь поселок, куда, если пешком, то пилить и пилить... Радиорупор снова засвистел-захрипел-закашлялся: – ...заботой Коммунистической партии и советского правительства о жителях тех районов, которые в результате аварии на атомной электро... – Потом снова все слова заглушил треск, его сменил резкий, разбойничий какой-то свист и опять захрипело – в этот раз совсем надолго. – ...переменная облачность, без осадков, температура воздуха 19 градусов по Цельсию. Вы слушали прогноз погоды на сегодня, 28 мая 1986 года. А теперь...» – Репродуктор еще раз свистанул и затих...

Угуч лежал клубком в одном из своих тайников-укрытий. Этот был обустроен в корневище здоровенной ели, которая вцепилась в самый край крутого оврага. Благодаря такому расположению, заросли переплетенных корней с той стороны ели, что глядела в овраг, свисали открытыми, пока не доставали до земли, чтобы уже там вкрутиться в нее изо всех сил и удержать могучую мачту дерева. За этой занавесью корней и располагалась тайная берлога Угуча.

Сегодня Угуч поднялся чуть свет, и потому не было ничего странного в том, что он закемарил в этом своем укрытии, в стороне от непрестанно гомонящей суеты интерната. Если бы не вопли из репродуктора, он, может, проспал бы до самого обеда. А куда ему спешить? Уроки в шестом классе закончились уже с неделю как... Хотя и на уроки он давно уже не спешил и редко ходил, даже зная, что Йеф опять будет по этому поводу выговаривать да втолковывать какие-то невзаправдашние книжные истины... Ему ведь учеба не впрок. Спроси хоть кого, кроме Йефа конечно, – каждый учитель и каждый воспитатель подтвердит, что не впрок. Даже тетя-Оль...

Угуч вспомнил, что ему надо было помогать на кухне. Наверное, тетя-Оль волнуется, думает, куда это Угуч запропал... Спрашивает одного, другого – не видал ли кто?.. А кто ж его увидит, когда он в укромке своей, о которой никто ничего... Может быть, она даже нашла Йефа, остановила его и спрашивает: не видел ли? не знает ли?..

Надо бежать, пока они там не подняли тревогу... Да какую тревогу? Будут они тебе из-за какого-то убогого недоумка тревожиться!..

Угуч окончательно проснулся.

* * *

Первый раз он сегодня проснулся, едва засветало. Его разбудил Махан. Сперва Угуч даже испугался, увидев перед собой страшное лицо, но потом признал Махана, только с жуткими подглазьями, заплывшими в сплошной синяк.

«Наверное, это из-за вчерашнего падения с лошади, – догадался Угуч. – Только ведь Махан сам виноват. Он долго выпрашивал эти свои синяки».

И правда выпрашивал. С того самого времени, как пришел в эту школу и увидел кентавра Дим-Дана, а увидел он счастливый полет Угуча и Даньки на второй или третий день нового учебного года. Весь класс выстроился на уроке физкультуры и вот тут рядом с дорожкой, на которой физкультурничали шестиклашки, наискосок по футбольному полю пронесся Угуч с Данькой на плечах – пролетел, проскакал и скрылся в лесу. («Значит, сынок сачкует, – непонятно прошипел Свисток-с-кепкой. – Значит, папанька отсутствует. А где же он, скажите, пожалуйста».) Потом из-за деревьев раздался лихой свист Даниила, и этот свист окончательно добил Махана. Жгучая зависть поселилась в его довольно добродушном сердце и корежила его изворотливую душу.

Сначала он просто и честно предложил Угучу стать его, Махановым, персональным конем. Не на все время, а только в исключительно важных случаях. Может, только раз в год и – все. Они же дети советских разведчиков и должны помогать друг другу. А кроме того, Махан – главный, и Угуч должен во всем его слушать.

Махан чуть ли не силой влез Угучу на плечи и взялся командовать: «Вперед!», «Стой!», «Повернись!»... Угучу и не трудно, тем более Махан оказался совсем легким – вот только сидел он как-то незграбно, все время боялся упасть, уцепился в волосы, ногами стискивал так, что и не вздохнуть, цапал за лицо и даже глазам закрывал обзор мира. Наверное, все это Угуч стерпел бы, но Махан категорично потребовал, чтобы Угуч перестал возить Даньку да и вообще перестал с ним возиться.

– Ты пойми, он же Недоделок, – повторял Махан подслушанное прозвище Даниила, которым его безо всяких сомнений окрестила языкатая тетя-Оль. – Да в придачу он ведь жид, – вколачивал Махан Угучу главные истины жизни. – Ну сам скажи, разве не так? Так, натурально жид, а жида всегда на нас ездют. А мы не должны их возить. Ты же разумный пацан, а таких простых вещей не сечешь... Ты меня слухай, и будет у нас полный ажур...

Уговорить Угуча не удалось – ни проклятьями, ни матюгами, ни приказами из разведцентра, ни даже угрозой лишения загробной жизни, которую за просто так не дают. Все это было такой мелочью по сравнению с полетами кентавра Дим-Дана, что смешно и говорить...

Махан вроде отступил. До конца он от своих планов не отказывался и время от времени снова долбил в Угуча про жидов и про Недоделка, но даже без видимости успеха. Угуч бычил упрямую бошку и стоял скалой – не сдвинуть. Махан даже иногда влезал Угучу на плечи и звонко командовал, но совсем недолго. Он сам чувствовал себя в роли наездника не слишком уверенно и втайне боялся, что Угуч сейчас вот взбрыкнет и полетит, как с Данькой, и настанет тогда полный звездеч...

Однако совсем от своих планов Махан не отказывался. Он не мог уступить какому-то жалкому инвалиду, да к тому же еще и жиденюшу... Стоит только раз уступить и ты уже никто, меньше, чем никто, – мразь и сор. По крайней мере, так считается среди уголовников, где Махан вроде бы обретался то ли по собственной дурости, то ли по заданию таинственного разведцентра...

* * *

Учебный год давно уже закончился, и три дня назад классный руководитель Йеф-Ич собрал своих теперь уже семиклашек и повел на экскурсию. Эти мероприятия любили все, потому что Йеф не просто ходил с ними туда-сюда, а о чем-нибудь рассказывал, и с рассказами этими и кино не сравняется. Даже ворчливый Махан, который предпочитал сам оказываться в центре внимания и для этого врал напрапалу о чем угодно, задиристо и неумело, – даже он умолкал и, открыв рот, слушал Йефа, хотя рожица его все равно была готова скорчиться в гримасу «подумаешь, ничего особенного».

В тот раз Йеф рассказывал про рыцаря Айвенго.

Махан надолго задумался, а вчера под вечер в компании почти всех пацанов их класса и с поддержкой пацанов постарше, двое из которых тоже были детьми чекистов-разведчиков и потому всячески выражали готовность побить кого надо, остановил кентавра Дим-Дана у дома Йефа.

– Слухай сюда, стручок, – обратился Махан к Даньке, игнорируя Угуча напрочь. – Сейчас мы устроим рыцарский турнир. Ты на нем. – Махан показал на Угуча. – А я на Воване. – Он ткнул пальцем в чекистова сынка из восьмого класса – вполне себе крепкого пацана. – Кто победит, тот и берет Угуча своим конем навсегда, – предложил Махан. – Ну, че молчишь?.. Ссышь?..

– Он не конь, – прошипел Данька сверху.

Махан с Данькой зыркали друг в друга заклятыми врагами, будто не было долгих совместных походов, шкод да проказ – ничего не было. Все сжигалось в пепел...

– Тебе не конь, а мне будет конь, – отмахнулся Махан. – Ну, че замолчал? Спужался?

Данька согласился и, по обыкновению, всю организацию турнира взял в свои руки, а Махан, тоже по обыкновению, делал вид, что все происходит по его воле и под его руководством.

Местом турнира определили физкультурную площадку с краю от футбольного поля, точнее гимнастический бум – бревно, укрепленное на высоте полутора метров над землей. Всадники должны были мчаться каждый по своей стороне бума. В копья выбрали половые щетки на длинных деревянных ручках, а в шлемы – плетеные мусорные корзинки для бумаг.

Пришлось совершить набег на склад кастаньянши и позаимствовать там зимние шапки – без них корзинки не держались бы на разгоряченных головах. Щетки с палок решили не снимать, потому что к смертоубийствам и увечьям никто не стремился, да и враждебные зырки и подначки как-то незаметно сошли на «нет», а турнир обернулся не поединком врагов, а состязанием приятелей. Все увлеклись предстоящим сражением.

– Не бойсь, – сказал Данька Угучу, – мы победим. Главное – мчись со всех сил. Чем быстрее будешь бечь, тем сильнее будет удар.

Угуч удивился. Ему казалось, что сильнее и обстоятельнее можно ударить, если подойти неспешно и остановиться, хорошо замахнувшись. Но Даньке виднее...

Угуч рванул...

Махан от удара щеткой в грудь вроде даже взлетел вверх, увлекая за собой Вована, которого он намертво обхватил ногами. Их разом отшвырнуло назад, и оба они грохнулись навзничь, а Махан вдобавок шибанулся своим шлемом-корзинкой о корягу. Хорошо, что они нацепили зимние ушанки под шлемы, но все равно Махан несколько минут охал и тихо матерился. Потом он кое-как встал, но тут же осел...

До своих коек они добрались далеко после отбоя, теньями прошмыгнув мимо не очень бдительных воспитателей. Махан – качающейся тенью.

И вот на рассвете Махан зачем-то разбудил его. Может, попросту хотел напугать своим синюшным видом?..

– Не пужайся, – прошептал Махан. – Я вот чего тебе скажу... Тока что получил сообщение из разведцентра. Батьку твою ликвидировали... Смертью храбрых. Американцы выследили и – кранты. Что с них взять – звери...

Угуч заплакал...

* * *

Школа со всеми своими обитателями крепко спала сладким предутренним сном.

Угуч бесшумно скользил к дому Даньки. По кирпичным выбоинам в разрушающейся стене он с легкостью поднялся на второй этаж и влез в Данькино окно. Наверное, Угуч двигался не совсем бесшумно, потому что в соседней комнате заскрипела кровать и Надежда Сергеевна приоткрыла дверь к сыну, проверяя сон Даньки. Все было в порядке, и она, успокоенная, вернулась к себе, а Угуч выскользнул из-под кровати Даньки и забрался к нему в постель. Побулькивая скрываемыми рыданиями, Угуч прямо на ухо поведал верному другу про все свои горести.

Тут надо уточнить, что Данька был не только ловким всадником кентавра Дим-Дана, но и самым настоящим другом. Он научил Угуча говорить, читать и писать. Правда, Угуч все равно предпочитал жить молчком, потому что люди, как правило, ничего не слышат – хоть говори, хоть кричи в полный голос. И писал Угуч пока еще с трудом печатными буквами, распадающимися на отдельные подпорки и перекладины. Читал он тоже не очень, медленно, с пыhtениями, приклеивая новое слово к прежним. Но читать Угуч любил и упрямо добирался

от слова к слову до смысла всего рассказа. Чаще всего это были сказки, которые ему подбирал Данька.

В общем, Данька все понял и тоже всхлипнул сочувственно, а по звуку будто бы и всхотнул, но, наверное, громче, чем надо бы...

– Сынок, у тебя все в порядке? – окликнула из своей комнаты Надежда Сергеевна.

– Все хорошо, мам, – отозвался Данька. – Спи.

– Да чего уже спать, – сквозь зевок возразила Надежда Сергеевна, – скоро папка придет... Давай потихоньку подниматься-умываться...

Угуч уже лежал под кроватью, куда мгновенно проскользнул ловким ужакой. Он несколько раз видел долгие утренние процедуры Даньки и понимал, что во время этих процедур Сергеевна его обязательно обнаружит и снова начнет скандалить, а Угучу уже хватило беды на это утро.

Пора было выбираться...

– Прибегай позже... Когда папка придет, – шепнул ему Данька.

Йеф из своих частых поездок в Москву приезжал всегда спозаранку, на шестичасовом дизеле из Орши. То есть приезжал он из Москвы, но сначала в Оршу, а уже потом на дизеле в поселок Богушевский, близ которого и обосновалась школа-интернат для детей с легочными заболеваниями. Долгий путь от станции до школы Йеф обычно шел пешком, увешанный сумками с подарками, колбасой и книгами. Более всего – с книгами. Наверное, за ними он и мотался туда раз в месяц, а то и чаще. А с другой стороны, он же родом оттуда, и, наверное, там его близкие. Угуч как-то из-под кровати Даньки слышал, как ссорились Йев с Надеждой Сергеевной, и понял из их перебранки, что в Москве живут ее родители. Так чего ж не ездить? Если бы Угуч знал, где живут его родители, – он бы пешком...

Угуч вспомнил, что отца его во вражеской Америке замочили смертью храбрых, и ком снова подступил к горлу...

* * *

– По квартирам шуруешь? – Недомерок вырос из ниоткуда, стоило только Угучу спуститься по стене и ступить на землю. – Так ты у нас, оказывается, домушник?.. Что там? Нету хозяина? – другим, очень деловым голосом спросил физрук и тут же сам себе и ответил: – Конечно нет... Потому что хозяин в Москве. Он там родиной торгует. Ро-одиной! Понял?.. А ты к ним шастаешь... Прикормили они тебя, что ли?.. Вокруг столько хороших людей, а ты сюда... Медом тебе здесь намазали?.. Но мы не позволим, так сказать, мазать... Ни медом, ни чем другим... Так и заруби в своей тупой... то бишь упрямой голове – не позволим. Отъездился, голубок... Вот явится он из своей Москвы, а тут ему – подарочек... – Свисток-с-кепкой всмотрелся в обалдевшего Угуча и снова сменил голос – теперь на командный, как и на уроке – вот-вот в свисток дуванет. – Рот закрыл! Повернулся и – марш отсюда... Чтоб духу...

Угуч шмыганул за угол Йефова дома.

Наверное, Недомерок и вправду чекист, и у него такое задание – следить за Йефом. Впервые такие слухи поползли, как только Леонид Валентинович устроился в интернат учителем физкультуры. Имя его почти сразу забылось, а звали его исключительно так, как окрестила теть-Оль, но слухок о том, что он на самом деле чекист и работает физруком только для видимости – слухок этот становился все крепче. Недомерок вслух, а не тишком, ничего не подтверждал, но ничего и не опровергал и буквально достал всех своими расспросами, просьбами и разными бессмысленными требованиями.

Чекистов в здешнем народе мало любили. Пожалуй, даже меньше, чем евреев. И это несмотря на то, что евреи пьют кровь и спаивают русский народ, а среди чекистов сам Штирлиц, и, может быть, есть там еще кто-нибудь такой же замечательный. Но про Штирлица

хорошо смотреть в телевизоре, а чекистов здесь помнят еще с послевоенной. И не только помнят, но и рассказывают иногда шепотком, как те лютовали.

А лютовали и зверовали они на спаленных войной белорусских землях, кстати сказать, совсем не по злобности своей натуры и не из садистских наклонностей. Были они в основном молодыми и жизнерадостными, красивыми и очень счастливыми. Как же не быть счастливым, если война закончилась, а ты жив!.. Хорошие парни. Только вот дело им досталось не очень хорошее. Надо было мятущуюся здесь недавно партизанскую войну привести к виду правильного и мощного движения, воевавшего по плану самого Верховного... Если бы все партизаны в борьбе за освобождение от фашистской нечисти сложили свои головы поголовно, то не было бы никаких хлопот. Но многие остались живы и помнили не то, что надо, а, прямо скажем – черт-те что помнили... Кому, как не чекистам, надо было вправлять этот массовый вывих неправильной памяти?.. Они и направляли...

А теперь вот появляется какой-то Недомерок или даже Свисток-с-кепкой и своими идиотскими расспросами сходу возвращает все прежние дрожжи и страхи...

«Так он же Йефа подкарауливает, – дотумкал Угуч про Недомерка. – Точно как американцы подкарауливали моего отца...»

Угуч остановился, не соображая, что надо делать. Можно вернуться и придушить Недомерка. Плевое дело: сжал чуток – и готово. Но ведь он за Йефом уже целый год следит, и ничего... Угуч решил, что и сейчас все обойдется. Если бы он знал, что всего через несколько часов Недомерок набросится на него и будет трясти до зубовного лязга, он бы решил иначе...

* * *

Невозможно было уединиться: куда не затихаришься, кто-нибудь обязательно тут как тут и тычет ладошкой в грудь, закатывая глаза и восхищаясь Угучевой победой во вчерашнем турнире. А если не уединишься, то как сможешь придумать чего толкового про дальнейшую жизнь? Ничего не придумаешь. Одно ясно: с мечтой о жизни с родным отцом, который будет любить и баловать не за какие-то там успехи в учебе или в примерном поведении, а просто так – ни за что, как Йеф любит своего Даньку, – с этой мечтой приходится распрощаться навсегда. Остаются для Угуча два варианта судьбы: кентавром с Данькой или мужем с тетей-Олей... Ну или – дурка, но про это лучше вовсе не думать, чтоб не накликать...

– Опять к своим жидам ходил? – Махан поприветствовал Угуча взмахом руки с зеркальцем, в котором пытался рассмотреть свою опухшую в сплошную синь физиономию (а может, и не поприветствовал, а просто так махал рукой, как и всегда ею махал). – Табе батьку оплакивать, а ты... Ладно, не злись... Ты полюбуйся, чего со мной зробиу... Меня директор спыни¹ и давай пытать – чего? да кто?.. Но я ни гу-гу... Мы же сыны разведчиков. Мотай на ус и держи язык за зубами... Эй, пачакай², куда ты намылился? – Махан подбегом нагнал уходящего Угуча. – Я те самое цикавае³ не сказал. Йеф вернулся, ведаешь? Наверное, ведаешь, а вот то, что он сваю жонку тока что в лес повел, на шалашову поляну – этого не ведаешь. А зачем, думаешь, повел? Для этого самого – долбиться будут. Дома при сыне несподручно, а все равно хотся. Это же только ты считаешь, что они все из себя сю-сю-сю, а они долбятся, как и все вокруг – как и собаки подзаборные. Иди вот и сам полюбуйся... Думаешь, если Сергевна, то вся из себя принцесса, а ей бы только чебурашку почесать...

---

¹ Остановил (белорус.).

² Подожди (белорус.).

³ Интересное (белорус.).

Угуч дальше не слушал и пошел прочь, а Махан так и остался, хлопая ртом и пытаясь еще что-то досказать. Нет, все-таки по всем ухваткам получается, что он и вправду вожжался с уголовниками, – откуда бы еще брались эти все его поганые рассуждалки?..

А если Махан прав? Он и раньше всякие гадости спешил порассказать про всех вокруг, взалхлеб, а пальцы враслопырку для убедительности. И многие его рассказы потом подтверждались. Подтвердилось, что директорская жонка ходит в котельную к Григорию Недобитку и там они сцепляются по-собачьи, и с молоденькой воспитательницей Ириной Александровной сцепляются, и с учительницей географии Алевтиной Николаевной, и с врачихой по зубам Ниной Александровной, и еще с разными барышнями, и каждый раз Угуч получал проигранные Махану болезненные шалабаны – по два десятка на одну собачью радость Григория. А вот про тетю-Олю не подтвердилось – не сговорил ее Григорий, но зато подтвердилось, что она полными сумками таскает школьные продукты к себе домой, и Угуч снова огреб свои шалабаны...

«Когда я поженюсь на тетю-Оле, – решил Угуч, сворачивая на тропинку к шалашовой поляне, – у нас не будет ничего собачьего».

Низ живота обдало протестующей горячей волной...

* * *

Шалашовую поляну в запутанной круговерти лесных тропок и подальше от возможных глаз обустроивали всем классом под руководством Льва Ильича. Это было место частых экскурсий, где Йеф, усевшись поудобнее в кругу шестиклашек, неспешно и вкусно начинал очередное увлекательное сказание... На случай дождя соорудили прочный навес, и вот из-за него поляну стали называть шалашовой.

Угуч лежал в густых зарослях перед шалашовой поляной, впритык к навесу, под которым спиной к нему сидел Йеф в обнимку с женой. Сначала Угуч и глядеть опасался, но ничего такого из фантазий Махана и близко не было. Угуч превратился в слух.

– Левка, ну что ты как дурачок?.. – торопливо сыпала Надежда Сергеевна в мужа возмущенные слова. Ее голос с трещинкой – говорила она, или напевала, или кричала и скандалила – всегда завораживал Угуча. – Обманул ты его, а чего радуешься? Он же не отстанет. В шею дышит...

– До шеи ему еще, недомерку, тянуться и тянуться...

– Прекрати гусарить...

– Как-нибудь обойдется...

– Нам нельзя как-нибудь, – начала горячиться Надежда Сергеевна. – Данька без нас не выживет... Что же ты творишь? Тебя же посадят. Ну, увернешься еще раз или два, но при этом твоим гусарством обязательно посадят. А что будет со мной? Да мой родитель тут же упечат меня в психушку. Просто из мести, что наперекор ему, что вены резала, чтобы наперекор... Обязательно упечат... А что тогда с Данькой будет? Ты видел эти инвалидные дома, куда его сбегут, если он останется без нас?.. Что ж ты творишь?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.